

Константин Ополченев

Цикл стихотворений «Панихида»

2024-2025гг.

ΠΑΝΙΧΙΔΑ

Константин Ополченев. «Автопортрет», 2025г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Константин Ополченев – цикл стихотворений «Панихида»

*(*в цикле присутствует ненормативная лексика)*

Цикл «Панихида» - второй сборник стихотворений, который сильно отличается от предыдущего цикла «Рябиновый компот». Это новый этап моего творчества. В этой работе я решился на большой эксперимент. Изначально, я планировал сделать этот сборник небольшим и заострить особое внимание на тематике стихотворений, но вместо простых элегий, пропитанных печалью и тоской вышло нечто иное, вы поймете это (а, может, и нет), когда приступите к чтению.

Я снова не буду много говорить об идее и задумке, хочу, чтобы вы сами покопались в этом и нашли что-то свое – поток мыслей или очередной сборник непонятных работ. В любом случае, решать остается вам, дорогие читатели. Скажу только одно – «Панихида» вынудила меня писать смело и по-своему. В этом сборнике определенно есть идея, свой смысл, который, возможно, когда-нибудь будет понят (на что я могу только надеяться).

Перейдем к сути. Во-первых, все стихотворения написаны мной в 2024-2025г. Во-вторых, я разделил цикл на две условные части – темная сторона и светлая сторона (это тоже повод задуматься что я хочу этим сказать). В обеих частях равное количество стихотворений, но самое интересное – это совместные стихотворения. Да, это и есть мой большой эксперимент. Я позвал на сборник других поэтов, с которыми написал некоторые стихотворения вместе, и, на мой скромный взгляд, получилось достойно. Вы можете спросить меня «но зачем? почему?», а я скажу, что этот опыт помог мне преодолеть барьер, который я не мог осилить раньше. В этом сборнике я буквально пожелал себе полного дискомфорта, чтобы мои строки в конце концов пришли к свободе, чтобы я пришел к свободе. Мне приходилось, действительно, стараться, чтобы стихотворение было живым, самобытным. Работа с разными стилями, интересными поэтами и письмом позволили мне овладеть собственным словом, и

показать себе, что в совместном стихотворении мои стихи со стихами другого поэта имеют свой собственный голос. Конечно, не обошлось без экспериментов с формами, в этом сборнике присутствуют верлибры, свободные стихи и другие интересные моменты. Помимо совместных стихов, есть и сольные.

Хочу сказать спасибо всем поэтам, которые приняли участие в моем цикле «Панихида», вот список этих творцов: Святослав Думский, Андрей Ремарковский, Нелицеприятный, Тимур Силюк, Акула Бурасова, Алексей Петров, Татьяна Евтушенко, Никита Склониным, Кто-то Кто-тович, Гноев, Иоанн, Хен Мэлс, Тунгусский маяк, Гуляй Полев, Лабиринты Лирика, Александр Четверка.

«Панихида» для меня не только новый этап в творчестве, но и рефлексия по прошлому, моментам, которые я, так или иначе, прожил или прочувствовал, отражение души и другой стороны моего внутреннего состояния, это глоток вина, в котором хочется найти единую гармонию вкусов. Этот сборник можно воспринимать как одну большую элегию, грустную и запутанную историю или, в конце концов, как печальное песнопение – панихиду. А, самое главное, что цикл не сколько про эксперименты, сколько про формирование своей поэзии, своего собственного голоса.

Константин Ополченев, 2025 год.

СВЕТЛАЯ СТОРОНА

1. «Запомню хор»
2. «Я оставил прошлый дом»
3. «Под железным блеском, в тени ракиты» (*фит с Алексеем Петровым*)
4. «Дорожки кокаинового снега»
5. «Каждый раз я вижу крещение солнца»
6. «Хороший день, несмотря на болезнь» (*фит с Кто-то Кто-товичем*)
7. «Нектары яблок» (*фит с Тунгусским маяком*)
8. «В ветках алого тиса я спрячу голос»
9. «Любовь уходит красным водопадом» (*фит с Хен Мэлсом*)
10. «Временами несется страх» (*фит с Тимуром Силюк*)
11. «Сакральный плач блуждает в синеве»
12. «Припасть ко мху и больше не проснуться...» (*фит с Лабиринты Лирика*)
13. «Родники призывают к обряду журчаньем»
14. «Безгрешен день, но грешен я» (*фит с Акулой Бурасовой*)
15. «Облепил себя белой глиной»
16. «За стенами гул гноится» (*фит со Святославом Думским*)
17. «Белый воск на земле»
18. «В душе потоп. О, Ной, подай мне руку!» (*фит с Андреем Ремарковским*)
19. «Герань стекает кровью на траву»
20. «Плачет ковыль незаметно, убого»
21. «Солнце утонуло в черных водах»
22. «Безумие все стало ближе мне»
23. «Смеется ворон девичьим смехом»
24. «Мария, спаси мою душу»
25. «Красным полумраком зарева ночного»
26. «Я. Умер.»

Запомню хор.

Свеча горела.

Храмом

Пахло пламя.

И храм мне пел.

Не тихо.

Звонко.

И плач мне пел.

Неистово.

И солнце в позолота

Принакрылось.

И сон мне пел.

Раскаянно.

Я оставил прошлый дом
По ту сторону затмения,
Где порочно чахнет клён
И судьба уходит тенью.

Тьма нередко давит грудь
И щекочет страхом сердце.
Я желал бы не вернуть
То ребяческое детство.

Когда чёрною рукою
До меня касались слёзы
И отчаянье, порою,
Навевало, как морозы.

Когда смерть подруга дня,
Мать раздумия слепого,
Докасалась до меня,
Как до отрока родного.

Перед праведным судом
Я хотел бы не забыться,
Вспоминая прошлый дом,
Что кошмарами мне снится.

(фит с Алексеем Петровым)

Константин Ополченев:

Под железным блеском, в тени ракиты
Белый день стоял, не спешил за зори.
Стрекоза звенела над рекой укрытой.
Только я тоскливо пригорюнил брови.

Теплый воздух нежил щетину осоки,
Бархатисто веял аромат ландшафта.
Но на мне цветами заросли пороки
И глаза печали превратились в вату.

Я не слышал песен волосатых пчёл,
Радостью лучистой я себя не тешил
И не видел света возле чёрных ёлок.
Отчего-то в сердце неизмерный скрежет.

Алексей Петров:

Мне приелся чай с ароматом мёда,
Вековой сосны лапы стали толще.
Полноводных рек затянули воду
Камыши и брод не заметишь больше.

Пролетают птицы надо мною клином,
Я люблюсь тиной, зацветает ряска.
Не жужжат шмели, писком комариным
Отдаётся мне дней минувших ласка.

Со своей хандрой под раки теньями
Я мечтал забыть их железный ропот
Да на поле рожь собирать горстями
Посреди низин топкого болота.

Дорожки кокаинового снега.
Проталины на выкате дороги -
Всё это незначительно и слепо,
Но дразнит глаз и стонущие ноги.

В глуши забытой, где концы лишь сводят
Вот я стою перед небесным ликом,
Не веря в сущность жизненных пародий,
Я думаю о чем-нибудь великом.

Разбитая метель о тротуары
Слетается на рощи из бумаги.
Какой-то дед в сознательном угаре
Лежит в берёзах, думая о браге.

Из тучи солнце в голову бросает
Мне мысли о судьбе и чём-то новом,
Пока хожу по лужам из хрусталей
До дома, что за ноющим забором.

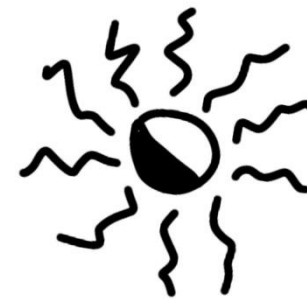
Каждый раз я вижу крещение солнца.
Вот оно окунается в матовый глоток свежести,
В беловодье горизонта.

Багряно мерцает вода,
Словно чешуей золотистой рыбы.
В ледяной воде Солнце слушает
Как гаснут и появляются звёзды,
Как Луна отправляет звуки сумерек в зыбкие раковины.

А затем оно поднимает яркую голову
И предвкушает божье касание.
Солнце открывает глаза
И видит милый сад.

Он полон просветления.
Листья поворачиваются хрусталем к свету
И живописно сияют белым зеркалом.

Солнце вознамерилось подняться
И прикоснуться к пустоте.
Из ледяной толщи
Оно выходит заревно красным,
Обливается золотым мёдом
И райским ангелом
Затмевает серость.

(фит с Кто-то Кто-товичем)

Константин Ополченев:

Хороший день, несмотря на болезнь,
Славный миг, несмотря на усталость.
И я иду навстречу белому солнцу,
Заменяя всю боль на радость.

Скоро, скоро дойду я до края,
Где залечит мне раны мудрец,
Этот солнечный вечный старик,
Что всю тьму обращает в конец.

Кто-то Кто-тович:

я растоптал все маки и ушел куда-то
под rises the moon из вселенских
струн строится и жигулевского пива
строится мое настроение и мне бы
еще литр но я упал в канаву и ватные
после приземления ноги и даже так
не все настолько плохо.

(фит с Тунгусским маяком)

Константин Ополченев:

Нектары яблок

Прозрачны

Под тенью солнца.

Трафареты бабочек

Всплывают

И резко желтеют.

Эльф распоеся

Над заревом костра

И осыплет пылью

Мои раны.

И тело не будет болеть.

Не будет болеть душа.

Тунгусский маяк:

Но восемь утра и в окно уже светит солнце.

Слиплись волосы, не желая вставать.

Нужно проснуться и развесить ненавистную одежду,

Чтоб утонула эта футболка и мамин бюстгальтер!

Какой же палец мне сломает бабка, если я забью на это?

Теперь я могу спать сколько угодно,

Делать что взбредёт в голову,

Но в пустом доме не уснуть

И нет желания даже курить.

В ветках алого тиса я спрячу голос,
И прилягу без чувства к душистым травам.
Бубенцом прозвенит нектарный колос
И пылью оросит по всем суставам.

Пролетит мотылёк шелковистой пылью,
Под журчание рек возле липовой рощи
Я вдохну красоту с ароматом полыни,
Может, так станет мне хоть немного проще.

Майский жук с переливом напомнит церковь,
На органе сыграет кузнечик робкий.
И пернатый клин надо мною меркнет,
Заставляя думу подвести итоги.

(фит с Хен Мэлсом)

Хен Мэлс:

В последнее время
Я очень быстро теряю вес.
Побудь со мной,
Пока я не исчез.
Побудь со мной хотя бы немного,
Побудь со мной до встречи с Богом.
Ты же знаешь,
Я любил немногих.
Ты же знаешь,
Я хотел бы много
Побыть с тобой,
Пока я полностью не пропал,
Пока Сатана не пригласил
На последний бал.
Давай встретимся хотя бы где-то.

Как любовь могла исчезнуть,
Если она была даже в гетто?

Константин Ополченков:

Любовь уходит красным водопадом,
Течёт рекой в безумный океан,
И я в потоке вод, пересекая камни,
Ищу тебя в неласковых волнах.

Ни парусом, ни плавающей рыбой,
Ни водорослью, ни голосами нимф
Тебя не видно, как бы не окликнул.
Где ты, моя любовь? Куда мне плыть?

(фит с Тимуром Силюк)

Константин Ополченев:

Временами несётся страх
Паутиной, с ветвей упавшей.
А на ней разложившийся прах
Чьей-то мухи, ни кем ставшей.

Тимур Силюк:

Разгорается пень
Вечным пламенем чёрным,
И невидимый день
Остаётся никчёмным.
На груди тяжело,
У любви нету средства.
Обгорело плечо
Мне проклятием в сердце.

Константин Ополченев:

Временами несётся крест
Над ручьем лучезарно-чистым,
И над гробом священных мест
Разливается чаша листьев.

Тимур Силюк:

Разодетый магнит,
Он все тянет в могилу,
Но меня не простят
Чистый разум и сила.
Я карабкаюсь вверх,
Изгибаясь, как кобра,
Чтоб мой мир не померк,
Оголенный мой провод.

Константин Ополченев:

Временами приходит печаль
Заставляет тоску улыбнуться,
Открывая святой Грааль
И развеяв в разбитом блюдце.

Тимур Силюк:

Я в любви не успел,
Жалок в стоящей дружбе.
И пластом на постель
Я ложусь безоружным.
И, скрестив рукава,
В беспросветное небо
На его купола
Я смотрю как бы слепо.

Хоронимый собой,
Ненавидимо всё.
Я хочу быть с тобой,
Хоть минуту ещё.
Но мой выбор стал трезв,
Очевидным теперь.
Я не знал себе мест
Никогда и ни с кем.

Константин Ополченков:

Временами на сердце тьма
И в душе затухает пламя.
От чего же любовь нема,
Не подскажет дорогу к раю?

Сакральный плач блуждает в синеве
И дикий зверь неважно воздыхает.
Сидит глухарь на стонущей ольхе,
И, раскричавшись, мёртвых поминает.

Усопший лист колыхнется в тиши
И колыбелью чахнут медуницы.
А черный маг последние гроши
Во тьму бросает, в огненные лица.

В болоте вод и серых камышей
Пройдет душа в белесом сарафане.
И гул сыча, и возгласы мышей
Напомнят ритуалы отпеванья.

(фит с Лабиринты Лирика)

Константин Ополченев:

Припасть ко мху и больше не проснуться...
Забыть про блеск серебряных мечей
И про завет дурманящих речей.
Все тело ломит и на сердце пусто.

Припасть ко мху и больше не проснуться...
Забыть про хохот незаметных слов
И про судьбу неслучившихся голов.
Все тело режет и на сердце пусто.

Припасть ко мху и больше не проснуться...
Забыть про страх не стоящих идей
И про любовь раскаянных людей.
Все тело стонет, а на сердце пусто.

Лабиринты Лирика:

Найти покой среди людского шума,
Где каждый жаждущий всю жизнь бежит.
Когда понятным станет мир в тиши,
Где упоение под светом лунным...

Я огибаю лунный месяц взором.
Мне снова хочется смотреть на свет.
И загорается на сердце след!
Припасть ко мху, но всё же быть готовым...

К чему готовым? Подари ответы
Я, иссыхая, ухожу во мглу.
Ах, я дышал бы целой сотней лун,
Но утонул уже под белым ветром.

Родники призывают к обряду журчаньем.
Льется кровь по груди и венам.
Вороны кружат вокруг гниющей лани,
Пока ветер вздымает кедры.

Ветви шепчут о дарах на болоте.
Путник разжигает пламя единства.
И волчица в пустующем гроте
Воеет на Лунного принца.

Через край потекла смола
Из кубка природного бедствия.
А путник сидит у костра,
Не предвещая последствия.

Из высоких корней выходит тьма,
Она кроет весь лес и небо.
Кровь стекла на руны бытия,
На всемирное древо.

(фит с Акулой Бурасовой)

Акула Бурасова:

Я чувствую сильный укол.
Проснулся в поту на кровати.
Понять, почему я так зол,
Мне кажется, жизни не хватит.

Я скован цепями. Темно.
Неловко тянусь за стаканом,
А хочется выйти в окно —
Эмоции, как тараканы.

Квартира — из жемчуга гроб.
Лежат на узоре ковровом
Осколки, сдавившие лоб,
Под чёрным, ночным покровом.

Я слышал, как ветер рыдал,
Казалось, что мир захлебнулся.
Остался небесный фрактал
И то, что зовут безрассудством.

Пока я стоял на коленях,
Простить себя так и не смог.
Графина уже на столе нет —
Во мне пробуждается Бог.

Константин Ополченков:

Безгрешен день, но грешен я.
Нарцисс зацвел оглаской тайны.
Мне слышен голос был сакральный
Возле окраины окна.

И он взывал меня к себе,
Как призраком в узорной шторе.
И он шептал: "Ты слышишь море,
Что там внизу, на самом дне?"

Я посмотрел. Вокруг лишь пропасть.
И ветер шумом залился.
А сверху звездная пыльца,
Напоминала мне про робость.

Я отошёл, взглянув на свод,
Что выстелен кристально чистым,
Перед сияньем серебристым
Я отвернулся забот.

И лёг в страданиях бессонных,
Не помня дикости затей.
Как даст мне Бог и сил, и дней -
Я перестану быть никчёмным.

Облепил себя белой глиной
И прижался к дубовой коже.
Я стоял и просил: "О, Боже,
Дай мне каплю любви и силы".

Чахли ягоды, что невинны,
И листва заливалась дрожью,
Когда я попросил: "О, Боже,
Дай мне каплю любви и силы".

Там, где сладостно зреют травы
И плоды ароматных яблонь,
Моя длань превращалась в камень
Между водами и дубравой.

Падал ниц, целовал колени
Черным мхам и дубовым веткам,
И я каялся здешним предкам
В виде зайцев, птиц и оленей.

(фит со Святославом Думским)

Константин Ополченев:

За стенами гул гноится,
Умеренный ветер не спит.
И ночью чужая птица
Судьбою в окно стучит.

Свечою горела кожа,
Часами стучало сердце.
И тень одичалой дрожью
Открыла входную дверцу.

Во тьме позабытой кухни
Лежало письмо в конверте.
На белом кровавые буквы:
"Ты близок к своей же смерти".

Святослав Думский:

А смерть — это прекрасный вальс.
Моего никчёмного существования.
Но я, как любой из вас, получу заточку,
Ибо хочу, чтоб сгинул весь фарс.
Чтобы умерла графомания,
Дабы не пришлось искать между строчек.
Смысл — это последняя инстанция,
Которая прочтёт нотации.

И я глотаю литрами водку,
Чтобы просто забыться,
Уничтожить в себе творца.
Умру — похороните в коробке от пиццы.
Утешьте мою вдову,

Да сожгите всё у дворца.

Это я, помнящий слова в конверте:

«Ты близок к своей же смерти».

Белый воск

На земле.

И я склоняюсь

Пред ним.

Смазливо

Прокуренный запах

Города.

Весь я.

Всем телом.

Район идёт

Чередом.

А эта вонь на кухне

Душиста.

Окно,

как зеркальная комната,

В ней виден овраг.

(фит с Андреем Ремарковским)

Константин Ополченев:

В душе потоп. О, Ной, подай мне руку!

Пусти меня, изгоя, на ковчег!

Я не хочу захлёбываться мукой!

Ещё мой хрупкий не закончен век!

Пусти меня изгоя на ковчег!

Я не специально надоумил море

Сходить волной на лучезарный брег!

Мной овладело дьявольское горе.

Андрей Ремарковский:

Я снова лез на Арарат,

Где Ноевый ковчег стоит ветхозаветный.

В него не продают не продают билеты,

Спасенью похую на кэш!

Лишь через муки и служенье ближним,

Через любовь, которая мотивом жизни

Звучит в душе и черепной коробке

Несчастливого, что захотел Туда попасть

И я мечтаю не сойти туда.

Туда, где балом правит Сатана,

Не стать рабом хуя и живота

И не предаться мелочным страстям,

Что продают по скидкам, подменя Бога...

Герань стекает кровью на траву,
Железный камень в пóтугах гортани.
Я не могу сказать тебе люблю,
А если и могу, то лишь по пьяни.

Трясется липа в сумрачном саду,
Не дремлет ворон в ветках злого тёрна.
Я не могу сказать тебе люблю,
Моя судьба, увы, мне не покорна.

Пусть ласков лес, невидима Луна,
Но проклят я, и счастьем не смогу
Наполнить твой бокал вином сполна.
Я не могу сказать тебе люблю.

Плачет ковыль незаметно убого,
Красочный день умывался дождём.
Знал бы хоть камень как мне одиноко
Идти в никуда и болтать ни о чём.

И солнце садится за тучами бледно,
И воздух отравлен ненужной тоской.
Вот бы пропасть незамеченным кем-то
Мелким, ничтожным, ни в думе с собой.

Страхи врываются в разное время,
Быстро текут по коре бересты
И по земле, наподобие зверя,
Жалко ползут, протянув мне персты.

Ива дождлива серебряной смесью.
Я приземлюсь у подножья корней
Путником нищим без цели, хоть смейся,
В рощу взглянув, растворюсь в вечном сне.

Солнце утонуло в черных водах.
Ночь проснулась вечной пеленой
И накрыла рощи и болота,
И всё небо неустанной тьмой.

И, когда проснётся без тревог,
То увидит белое знаменье
И рассветной свежести песок
На своих израненных коленях.

Краснокожий берег у холма
Вышиною фёна презираем,
Ждёт в ночи неведомого сна -
Как живое солнце воздымает

Из глубин проклятия воды,
Своим вихрем смелости и злости,
Осушая вязкие ряды,
И, ломая, ветреные кости.

Безумие всё стало ближе мне,
Вино сирени льётся из-под рёбер.
Горит вся боль на ведьмином огне -
Мой светлый лик убит и похоронен.

Бузины очи смотрят на меня
Своим чернилом ворона ночного.
В моей ладони бархатный тимьян -
Целитель ран и пламенных ожогов.

Я просыпаюсь новым на одре
Болота ягод и сухих колосьев.
И сладкий сок в растопленном нутре
Бродит в мою умеренную осень.

Смеется ворон девичьим смехом,
Берёз наросты взирают косо.
Колодец леса наполнен эхом,
Скрипят иголки по коже сосен.

В густом наливе брусничных ягод
Залег надолго до новой эры.
И те, кто умер, со мною лягут
Во имя цвета небесной вербы.

И прорастем мы зелёной паствой,
Пусть солнце светит нагим елеем
На наше верующее братство -
Сынов божественной гилеи.

Цветами белыми над кровью
Присядут призраки, что плачут.
С моей душой раздетой мольбою
Заговорят о предстоящем.

Мария, спаси мою душу,
Холодную, как белый мрамор.
Я еще жив снаружи,
Но что-то внутри угасает.

Мария, спаси мою душу,
Возьми моё чёрное солнце.
Согрей его пламенной грудью,
Пусть станет оно ярко-алым.

Мария, спаси мою душу,
Мне не чем дышать порою,
От боли никто не нужен,
Но рядом хочу кого-то.

Мария, спаси мою душу,
Я здесь на коленях внимаю.
Прошу тебя только послушай
Я, кажется, умираю.

Красным полумраком зарева ночного
Остывает в жилах стонущая кровь.
На одре болота, ждущий Иеговы,
Продолжаю верить в высшую любовь.

Капает страданье оклеймённым дёгтем
На подобье тела с запахом угля.
Предо мной стволами пресвященный орден
Панихиду спел мне, ветви накреля.

Я.

Умер.

ΠΑΝΙΧΙΔΑ

ТЕМНАЯ СТОРОНА

1. «Украдкой ворон принесет известье»
2. «Сегодня я в ночном плену»
3. «Веретено трагедии безмолвной»
4. «Багряная луна сегодня так ужасна» (*стихотворение на немецком языке*)
5. «И каплет липы мед, и розы стонут»
6. «Нужен ключ от черного ящика»
7. «Вода течет по венам и глазам» (*фит с Иоанном Русская дорога*)
8. «Небо встретило серой падалью» (*фит с Нелицеприятным*)
9. «Тень пьяницы у желтой батарее»
10. «И черный крест над солнечным затмением» (*фит с Гноевым*)
11. «Этот дом незнакомый мне прежде»
12. «Сельская девушка тонет в пруду»
13. «В фиалках рот и расстоянием» (*фит со Склонистым*)
14. «Чабрец запах отравным ароматом» (*фит с Нелицеприятным*)
15. «Кровь остыла черною грязью»
16. «На ночь видимая дрожь» (*фит с Александром Четверкой*)
17. «Этот нескончаемый сон»
18. «Лес таинственно машет ветвями»
19. «Почва огрубела» (*фит с Гуляй Полевым*)
20. «Мой гений плакал над огнем»
21. «Рыба вертится в струях ручья»
22. «Сегодня я чуть не убил себя»
23. «Ход мыслей уже не прежний»
24. «Я хочу разложиться под снегом»
25. «Черный ворон в углу моей комнаты» (*фит с Татьяной Евтушенко*)
26. «Я. Еще. Живой?»

Украдкой ворон принесёт известье,
Опухшим небом встанет моя боль
И пролетит передо мной, как моль,
Протяжный хохот снизошедших бестий.

Вино багрянца разольется в очи,
Серебряный кинжал вонзится в грудь.
Судьбу мою уже не повернуть,
Я стану жертвой на восходе ночи.

И ели встанут дыбом, когда фён
Осветит мою смерть по всем началам.
А ведь недавно осень мне кричала,
Что буду лунной ночью оклеймён.

Сегодня я в ночном плену,
Пью кубок с ядовитой водкой.
Собаки воют на Луну
И ветер голосит над лодкой.

Лаванда в вазе, что хмельна,
Последней свежестью вздыхает,
А в вечном сумраке Луна
Мне о судьбе напоминает.

Глухая тьма вгоняет в дрожь,
Прости мне бредни злое время.
Луна нагнала только ложь
И навела на разум бремя.

Веретено трагедии безмолвной
Связало узел бремени и зла,
И дева судеб каплею любовной
Меня спасти от смерти не смогла.

Колодец лилий в яде утонул,
Спустились корни в голубую бездну.
На перепутье к жизни не свернул -
Я был безумно глупым и не трезвым.

Когда Луна взойдёт на пьедестал
И повернет ко мне седые очи -
Я перейду в невидимый астрал
И пропаду во мгле презренной ночи.

(на немецком с переводом)

Der rote Mond ist heute schrecklich,
Es ähnelt dem Auge eines Tieres.
Und die Dunkelheit wuchs vollständig,
Und die Tannen entblößten die Speere.

Перевод с немецкого:

Багряная Луна сегодня так ужасна,
Она, как взгляд дремучего зверья.
И тьма сгустилась, охватив все царство,
И ели встали иглами копья.

И каплет липы мед, и розы стонут,
Струится в недрах черная смола.
Блестит наган на краешке стола,
И ждет пока его сомненья тронут.

Весна живет всякого живого.
Еловый лист по горлу глупых слов
И в это время, время простаков
Всё кажется предвестием плохого.

А чудо только в ландышах и браге,
Звенит апрель свинцовой росой,
И значит где-то под хмельной лозой
Боль утолил парниша в рваном фраке.

Нужен ключ от черного ящика

-

Там то, что принадлежит мне.

И должно быть во мне.

На самом дне ящика,

В гнилых занозах

Оно лежит.

Оно лежит, и стучит,

И зовет меня.

Это сердце.

Но у меня нет времени.

И ключа

Тоже нет.

(фит с Иоанном Русская дорога)

Константин Ополченев:

Вода течет по венам и глазам,
А зверь вкушает теплую усладу.
И плач пройдет по лесополосам
Прозрачным и росистым градом.

Когда входящий в лес услышит стон,
Что косит ноги и щекочет тело,
Тогда в тени седых еловых крон
На грани ночи распоеется дева.

И этот плач до мёртвого дойдёт,
Живому станет колыбелью смерти.
Прольётся в темя золотистый мёд
И янтарём застынет на рассвете.

Иоанн:

Боль, что прежде скрывалась в изгибах сознания,
развернулась, как гвоздь под ладонями Бога.
Тело - пристань, где старые баржи страдания
гниют, разбиваясь о берег тревоги.

Сердце бьётся, как рыба, вспоровшая брюхо,
выдыхая сиреневый холод бессонниц.
Руки дрожат, будто спутанные старым испугом
струны, на которых молчание тонет.

Вспоминаются лица, но краски расплавлены,
и слова, как обугленные листья, шуршат.
Тьма течёт, как свинец, забивая все капилляры,
и прощается мир, ускользая в закат.

(фит с Нелицеприятным)

Константин Ополченков:

Небо встретило серой падалью,
След по глине смешался с зеленью,
Я не зря омрачённый взглядами,
Одинокий и растерянный.

Под ногтями следы от копоты,
В чёрных садах с мятой глупостью,
А любовь моя гнила в пропасти,
Между тучами мертвой улицы.

Червяки наслаждались временем,
А пьянчуги моментом истины.
Только я оклеймённый бременем
Жду когда же судьбою выстегнет.

Нелицеприятный:

Я снова взял иглу,
Снова уебал по лифме!
Снова в этом углу,
Я снова на этом олимпе!
Ведь жить — портить лёгкие сигами,
Под гул, что в голове льется тиками!
Тот, что словно метрономом бьет по ушам
За что только жертвовал ребрами Адам?
Ведь я не апостроф, и даже не апостол!
Мне лишь нужен чистый воздух,
Свобода и жизнь - превыше разврата,
Свободная жизнь - точка невозврата!

Тень пьяницы у желтой батареи
И черным пламенем горит свеча.
Я написал записку на колене,
О том, что жизнь подобие бича.

Сухим листом качнусь и перевяну.
По ветру дней небрежно промчусь.
Внутри себя я не хочу быть пьяным,
Но так я разбавляю свою грусть.

Кровавый дождь стучал в окно разврата
Искрой сквозил на раны дураков.
И вот я здесь. Стою, ища расплаты,
Меж рёбер коченеющих домов.

Я положил записку под Луною,
Там, где любил когда-то просто жить.
Как дай мне Бог увидеться с тобою,
Когда я снова перестану пить.

(фит с Гноевым)

Гноев:

подмокший

лёд чернеет

мазутом на земле,

белесость

горизонтная

замучивает

взгляд.

снежинки

с пеплом

кружатся

в болезненном тепле

утробный день

обуглен,

обрублен

и распят.

от оттепели

хлюпает

под сапогом

вода.

пружинит

снежной грязью

мой полосатый след

от глаз

картинки в голову,

из головы - в куда

картинки

серых домиков

и желтых сигарет

всё растворяется во времени

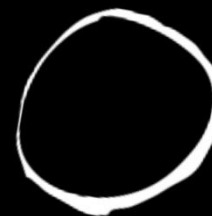
как соль в февральском топляке.

Константин Ополченков:

И чёрный крест над солнечным затмением
Не виден всем, но кем-то ощутим.
Сияет в темноте, как херувим,
Кровавый снег, что мрамором простелен.

Сапог судьбы давно наполнен глиной
И грязью луж. И шаток темный лес.
Уходит черный круг под гимн небес,
Под молвь моей ревущей Магдалины.

Тяжелый шаг ускорился в разы,
Изрезал ветер спину острой саблей.
Простыл и след, остались только капли
Кроваво-бархатистой полосы.

Этот дом, не знакомый мне прежде,
Эта улица без фонарей
Меня светлой любовью не тешут,
А её убивают скорей.

Пьяный дождь извращенно стекает
На мою беззащитную грудь.
И счастливая мысль умирает,
И боюсь, что её не вернуть.

Этот путь нежеланный мне прежде,
Эти дни самой долгой тоски
Заставляют оставить надежды
И порвать их долой на куски.

Сельская девушка тонет в пруду,
Белое платье медузой по глади.
Птицы цветы ей склоняют на грудь
И подзывают трагически мать.

Тучи нахмурились, ветер подул,
Лес помрачнел и стал холодом веять.
В толще воды упокоился гул,
Девичий стан, аромат орхидеи.

Тело нашли после ливневых будней.
Кожа бела, а вокруг лепестки.
В грустном лице её, взгляде бессудном
Чья-то любовь обнажила концы.

(фит со Склонистым)

Константин Ополченев:

В фиалках рот, и расстоянием
Ты стала сумрачным моим,
Когда кровавые герани
Зачахли голосом немым.

Я помню поле над растущим
Плачевным облаком. Как я
Шёл до тебя по пьяной гуще,
В тюльпанах прошлое храня.

Но ты всё дальше миражом
От долгой встречи пропадала.
Своим невидимым ножом
Воспоминания кромсала.

Склонистым:

и кровь не связывает, как раньше,
с осевших прахом голосов,
нам стелется дорога дальше,
но мы уходим от основ.

не помним звуков, сгустков смысла,
ни первородных заклинаний.
размыт язык, и мысль повисла,
как нить на перекосе зданий.

(фит с Нелицеприятным)

Константин Ополченев:

Чабрец запах отравным ароматом,
Померкший лес тревогой упоён,
И день седым туманом оклеймён.
И смерть мне стала самым близким братом.

Томится крик в дождливой кутерьме,
Плывущий плот, наполненный слезами,
И тень моя, что пленна голосами -
Утонут скоро в неизбежной тьме.

Нелицеприятный:

В комнате за коммунальным чеком
Залечиваю душу водкой.
Иногда, пробегая по аптекам,
В поиске действенной снотворки.

Мне во тьме дышится проще
Пусть с каждым разом все больше сжигая себя.
Но, стараюсь не попадать под толщу
Очень хрупкого льда!

Кровь остыла чёрною грязью,
Губы высохли в битое зеркало.
Между лесом и снежною вязью
Я лежу одинокой молекулой.

И в глазах пустота неба белого
Мне явилась последним распятием.
На снегу одинокой молекулой
Я лежу недостойный объятия.

Я лежу окровавленный холодом
В форме ангела или звёздочки.
Какого умирать бледным вороном,
Когда дрожью ломаются косточки?

Хлопья падают сверху мне на тело
Зарывают мне ноги и голову.
Я один, недостойный объятия.
Закрываю глаза, и по-новому

Вижу свет в черноте, что зовет меня.
Я тяну к нему синие лопасти.
И вся мука прекрасными зорями
Утекла расстоянием к пропасти.

(фит с Александром Четверка)

Четверка:

Он заснул, а ты не спи.
Разбирайся над припевом этой песни.
Веселее будет этим жарким летом:
Этим солнышком во снах
Помыкать страданием горе,
Этим камушком в кустах
Убивать виновных в боли.
По полям скакать гурьбой,
По костям и трупам свежим,
И рассвет встречать с зарёй
Под растущий громкий скрежет.
В прятки, в салки поиграть
До пробоин в доли лобной.
На ночь сказки прочитать –
Детям нравится хор воплей.

Константин Ополченев:

На ночь видимая дрожь
Проберется мне под кожу,
Под кроватью злая вошь
Вдруг покажет свою рожу.
Она больше, чем тогда,
В день когда я был ребёнком.
Безобразная вода
Льет дождем в окошко звонко.
Вспоминая тот кошмар,
Эти очи, что пустые..
Так меня бросает в жар,
Как в египетской пустыне.
Волосатая клешня
До меня как до коснётся,
Так и знайте умер я....

Так там в песенке поётся?

Этот нескончаемый сон...
Болото... Сумеречный лес.
Оковы ветвей царапают плоть.
Горизонт теснят черные столбы кедров.

В вязах кричат отпрыски воронов
И зелёное небо сгущается в праздную мглу.
Темное торжество. За лесом горит костёр.
Мой след превращается в глину и черную воду.

Пока не ушла созерцающая тишина
Я иду на запах угольной пыли.
Спотыкаясь о мшистые камни
И черничники,
Тело устает и тянется к мягкой лесной подушке.

Чем лучше проглядывается болотная степь,
Тем быстрее уходит запах знакомой жизни.
И я пресмыкаюсь, как прыткий змий,
К щетинистому мху.

Я засыпаю в луже клюквы и растительных вод,
И мне снится тот же запах костра.
Блуждающе иду до этой дымки,
Но проваливаюсь...

Проваливаюсь в подземный пруд,
Неизведанный зверем.
Я просыпаюсь от кошмара в толще воды,
И тону
Протянув руку слепой Луне.

Лес таинственно машет ветвями,
Окунусь, пропаду, не вернусь.
Моё тело найдётся под мхами
На болотах, где я утоплюсь.

Я услышу элегию листьев
И увижу скупой небосвод,
Здесь мои сухожилья и кисти
Пережной для голодных болот.

Это мой ритуал отпеванья
Пусть мой стан разлетится, как прах,
По тропинкам пусть переживанья,
По деревьям мой стонущий страх.

(фит с Гуляй Полевым)

Константин Ополченев:

Почва огрубела.

Купол переливчат.

Ночью я падаю в яму,

Смотрю как

Серебрятся картинки,

Васильки серебрятся

На мокрых ладонях.

В моей стройности ребер

Не хватает истины.

Не хватает тепла.

Гуляй Полев:

Мне разъели плечи

реки из

белёсых смол.

Глаза смотрели

вперёд,

стуча по закромам.

Голод. Ветвистый

голод.

И вот я

проморгался.

Пошёл по

ступеням.

Мой гений плакал над огнём,
Плевал цветами в пепел серый
И между символом и верой
Он выбирал быть мертвым днём.

Клён плакал над его челом,
Плевал росой ему на плечи,
И ветви сыпали предтечи
Перед магическим костром.

Свет плакал над лесной землёй
Плевал лучи на злое пламя,
И ветер, разгоня знамя,
Скрутился огненной змеей.

Мой гений плакал над огнём,
Когда змея его кусила
Пожаром красного светила.
И я вдруг позабыл о нём.

Рыба вертится в струях ручья,
Гласно слышится стонущий ветер.
Дикий зверь от расправы крича,
Скоро белое зарево встретит.

А в стекле красноватой смолы
Тихий отблеск узоров древесных,
Как пыльца торфянистой золы,
Под ногтями измученных перстней.

Холод камня в подкожную дрожь
И аллеи теней в осознание,
Что по сути, как мелкая вошь,
Я метаясь найти пониманье.

Поворот в нескончаемый город
Из широких бугров и лесов
Дал мне самый единственный повод
Убежать от живых голосов.

Колокольчик болотистых вод
Прозвенит голосами духовенств,
Когда фавн свою песнь допоёт
О проклятии разумных достоинств.

Упадёт дикий плод мне на темя,
И тогда я в конец растворюсь.
Стану диким расправленным зверем,
Что, крича, утолял свою грусть.

Сегодня я чуть не убил себя.

Мне снился сон тоскливый и тревожный.

В окне расплывчатость росы дождя,

А в стенах холод до животной дрожи.

И на столе таблетки и стакан.

Перед глазами белый купол лампы.

Свои стихи в кармане искал,

Когда мне снова вспомнились те травмы.

Я выпил раз, потом еще вторую,

Затем и третью принял на легке.

Ещё чуть-чуть и скоро вдруг умру я

(Шептал мой голос где-то вдалеке).

Но снова сдал. И снова испугался.

Я передумал на рассвете дня.

Два пальца в рот - и ядом проблевался.

Сегодня я чуть не убил себя.

Ход мыслей уже не прежний.

Я неизбежен

К концу.

Чёрное лето

Затмило июнь,

И по спине обветшало

Крадётся

До синих ушей.

Этот шёпот

Во тьме головы

Зовёт меня,

Душит шею.

И я позволяю ему

Выбирать за меня.

Я хочу разложиться под снегом,
Где-то в яме недалеко от дома.
Для других оказаться следом
Незамеченным, незнакомым.

Чтоб земле я стал хоть нужен,
Вместо тысячи слов и врал.
И когда я растаю с лужей,
Не хочу, чтоб меня искали.

Заращу благородной гнилью
И корнями в родную почву.
Между искренностью и былью,
Прорасту голубым цветочком.

Наблюдая искомый смысл,
Пролетит надо мной черный ворон.
И весною у свежих листьев
Моя жизнь зацветёт бутоном.

(фит с Татьяной Евтушенко)

Татьяна Евтушенко:

Страх смерти, гордость, откровенье...
все почему-то чуждо стало в миг,
но мне семнадцать: день рожденья...
вдруг опротивел жизни лабиринт.

Влюблялся, плакал — тоже чуждо,
бухал, курил, кололся — точно так,
я не проснусь — какое чудо!
А голоса — всего лишь отходняк.

Константин Ополченков:

Чёрный ворон в углу моей комнаты
Расплескался мазутом по стенам,
И я слышал те грязные шепоты:
"Проведи своей жизнью по венам".

День тонул и не знал куда деться.
Он ушёл, как изгнанником, прочь.
Я, как он, не нашел себе места,
И пропал в эту тихую ночь.

Я.

Еще.

Живой?

